

**ЛЕТАТЬ
НЕ
ПОЗДНО
НИКОГДА**

АЛЕКС НЕМОН

18+

Алекс Немон

Летать не поздно никогда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38834275

SelfPub; 2018

Аннотация

Сделать что угодно ради спасения своего ребенка – это то, на что, кажется, способны многие из нас. Но многие ли способны совершить невозможное: преодолеть отчаяние и безысходность, справиться с самим собой? Где-то в далеком будущем, в мире, где люди научились летать, как птицы, обычный человек преодолевает невероятные трудности и испытания для того, чтобы спасти сына от неизлечимой болезни. Ради своего ребенка он продает свое молодое тело, а сам становится восьмидесятилетним стариком. Но никто не предполагал, во что обернется для него эта страшная сделка.

**ЛЕТАТЬ
НЕ
ПОЗДНО
НИКОГДА**

АЛЕКС НЕМОН

18+

Кроме Аарона на уровне было еще пятеро мужчин – все его коллеги. Грен на этот раз выбрал прекрасный уровень с отличным видом на город. Не на ту его южную часть, где можно было видеть только офис-башни, загораживающие обзор. Компания, видимо, решила раскошелиться, чтобы простимулировать творческий процесс, как это у них называется. Да, вид был прекрасный! Аарон сидел рядом со стеклянной стеной башни и мог наблюдать внизу, как солнце миллионами отблесков усеивает реку. Как она прекрасна, эта река! Разве может быть что-либо лучше, чем вид реки с высоты полета в солнечный день? Ему очень захотелось сейчас перенестись на террасу городского пляжа, полоска которого выглядывала из-за поворота. Конечно, никто бы не купался в марте, но посидеть и посмотреть на реку в этот солнечный день было бы очень здорово.

Идея. Показать вид с пляжа. Подтвердить? – спросил голос. *Не нужно,* – сожалея, подумал Аарон в ответ.

– Грен, ну ты знаешь, что я думаю. Не заставляй меня говорить это еще раз, – раздражение Чена вывело Аарона из размышлений.

Чен почти всегда был чем-то недоволен. Аарон не очень понимал, зачем его держат в группе. Это какие-то изыски теории мотивации. Небось какой-нибудь чересчур светлый ум в компании решил, что в каждой группе должна быть такая вот заноза. Чен если не ныл по какому-нибудь поводу,

то перечил всем без разбора.

– Я думаю, Чен, тебе пора принять участие в нашей креативной сессии, – каким-то не особо заинтересованным тоном обратился к нему Грен.

Их шеф, наверное, единственный член группы, которого Чен не доставал. Ну, по крайней мере это не замечалось внешне. *Он либо очень верит в теорию мотивации, либо сам же специально нанял этого зануду. Точно, он его нанял специально!* – подумалось Аарону.

Мысль была праздная, не имеющая никакого отношения к тому, о чем он, по правде говоря, должен был думать сейчас, наслаждаясь видом реки за счет компании, но настолько неожиданная, что он невольно улыбнулся. Грен тут же заметил это и переключился на него.

– Ар, тебе пришла в голову светлая идея? Ты поэтому решил вдруг продемонстрировать нам свои тридцать превосходных зубов?

В вопросе не было ничего такого, но, зная Грена много лет, Аарон почувствовал, что нужно сказать что-то умное, иначе это может закончиться штрафом. Все лица повернулись к нему. Чен тоже смотрел на него, радуясь, наверное, что можно не продолжать спор с Греном. Ему больше нравилось спорить с остальными. Аарон с тоской еще раз взглянул на реку, от которой он сам себя по глупости оторвал, и выдал специально приготовленную фразу. Вообще, конечно, на креативных сессиях идеи должны приходить спонтанно.

Но если они проводятся раз в неделю, фантазия со временем иссыкает: приходится плутовать.

– Я давно об этом думал, Грен, – Аарон немного растягивал слова, чтобы идея (а она была хороша) произвела больший эффект. Все с надеждой взглянули на него, а Аарон вполне наслаждался моментом. – Нам нужно отказаться от тупых вопросов, если интерпретатор не понял, о чем точно сказал командир.

– Как? – почти хором спросили все. Даже Чен забыл, что по правилам жанра он сразу же должен был найти какую-то прореху в идее, но и он смотрел на Аарона, широко раскрыв глаза.

Ар был доволен произведенным эффектом.

– Я думал, ну к чему мы постоянно что-то переспрашиваем? Роботы часто выглядят как полные идиоты. Скажите, вас это не достает?

– Ар, ты предлагаешь отказаться от подтверждений, я правильно понимаю? – Грен опомнился первым. По его глазам Аарон уже понял, что Грен все словил. Он был по-настоящему умным парнем. Но ему еще нужно было вовлечь остальных.

– Меня ужасно достает мой домашний! – Каввира вступил в разговор. Этот добродушный здоровяк нравился Аарону. Он ни с кем не был близко знаком из группы. Всех их видел только раз в неделю на сессиях. Но Каввир ему нравился. Он был как-то человечнее остальных. «Жаль, что, выйдя из под-

росткового возраста, ты почти полностью теряешь возможность дружить по-настоящему», – подумал Аарон.

– Нет, ну правда! Не могли бы вы уточнить: черный кофе или кофе со сливками? – увлеченно продолжал Каввира. – Как будто я когда-нибудь пил кофе со сливками!

– Послушайте, нам определенно нужно запретить эти бесконечные переспросы, – Аарон решил объяснить свою идею до конца. – От этого наши интерпретаторы будут больше походить на людей. Если что-то непонятно и ошибка не так критична, то нужно дать возможность программе принять решение. Пусть домашний робот Каввиры лучше ошибется один раз, чем все время будет доставать Кави тупыми вопросами. В конце концов, ему будет кому дать взбучку.

Все, и даже Чен, улыбнулись.

– Отличная идея! Давайте это обсудим! – почти закричал Грен. О да, его можно было понять. После нескольких подряд безрезультатных сессий он почти наверняка думал о ротации, но теперь для него все шло как надо.

Группа стала живо обсуждать идею, а Аарон, почивая на лаврах креатора, снова повернулся к окну. Вряд ли Грен будет иметь к нему претензии сегодня. За рекой бизнес-ареа заканчивалась, дальше всю панораму занимали утопающие в зелени усадьбы. Аарон взглянул вверх на другие уровни. Ему очень нравилась эта башня. Она была настолько необычной, что любой модератор мог быть почти уверен в результативности сессии, если его компания платила за аренду уровня

здесь. Это был огромный полый стеклянный купол вытянутой вверх формы. Издалека он мог напомнить чуть вкопанное в землю гигантское яйцо. В центре росло пять невероятно высоких секвой. Каждая метров по сто. Эти непостижимо огромные деревья притягивали к себе бесчисленное количество мелких птиц, которые здесь же и жили, без конца чирикали и, если бы не гасители шумов на каждом уровне, то, безусловно, не давали бы никому работать. Эти секвой пронизывали всю башню и сверху выходили в широкое отверстие в центре купола.

К самому куполу – к внутренней его части – крепились плоские платформы без стен – уровни. В основном они были небольшие, рассчитанные на группы не более десяти человек. По центру уровня стоял довольно простой стол, мягкий диван вокруг и набор презентационного оборудования. Все остальное пространство занимали горшки с растениями. Восхитительно! Одним этим словом можно было охарактеризовать все здание.

Аарон теперь смотрел на секвойи. Если бы они росли в естественной среде, то такого размера могли достигнуть не меньше чем за тысячу лет. Вот эти растили лет десять. Конечно, ботаники покопались в их генах. Но все равно они классные! Он опять забылся и перестал слушать коллег. Идея, которую он подкинул, была хорошая. Он знал, что она дорогого стоит.

Вдруг неприятное ощущение возникло в голове. Что-то

как будто зачесалось внутри черепа. Через секунду он понял, что это сообщение от доктора. Адреналин волной прокатился по его телу. Этот человек не так часто давал о себе знать в последнее время. Сообщение чесалось внутри. Так чешутся только важные. Их можно либо удалить, либо прочитать. Иначе от этого зуда никак не избавиться.

Ар нехотя подумал о нем, и голос доктора зазвучал в голове:

ГОСПОДИН ААРОН. МНЕ ЖАЛЬ СООБЩАТЬ ВАМ ТАКИЕ НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ НОВОСТИ, НО ЭТО МОЯ РАБОТА...

Аарон невольно скорчил гримасу боли. Он физически ощутил, как побледнел, словно экран визора, но паузу не вставил.

...РАЗВИТИЕ БОЛЕЗНИ НАЯ СУЩЕСТВЕННО УСКОРИЛОСЬ. ЕМУ ОСТАЛОСЬ НЕМНОГО ВРЕМЕНИ. В ЛУЧШЕМ СЛУЧАЕ ГОД. В ХУДШЕМ – НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ.

Аарон стал выдыхать воздух. Во время сообщения он задержал дыхание, а теперь не мог нормально выдохнуть. В горле собрался плотный ком, который требовал выхода. Но плакать здесь Аарон не собирался. Эти по сути чужие для него люди стали, вдруг, словно враги. «Сидят тут с такими довольными лицами... Почему же так происходит?» – с этим беспорядком в голове Аарон резко встал. Это неожиданное движение заставило всех замолчать. Грен, кажется, что-то

собирался сказать, но Каввир остановил его. Когда-то Аарон рассказал ему о болезни сына, и тот догадался, в чем причина внезапной перемены. Неуклюже переступая через ноги сидящих, Аарон прошел, ничего не видя перед собой. Он смахнул рукой стакан с соком, и он жалобно звякнула под ногами у Чена.

Выбравшись, наконец, из-за стола, Аарон машинально стащил с полки рюкзак и кое-как натянул на плечи, сунул контакт за ухо, а потом, неуклюже развернувшись боком, перевалился через перила и полетел с платформы вниз.

Общее «ах» нарушило тишину. Все ринулись к перилам, чтобы увидеть, как Аарон быстро летит вниз к тому месту, где из земли росли секвойи. «Ну же!» – прошептал Каввир – и в тот же момент они увидели, как Аарон, наконец, раскрыл крылья и после нескольких взмахов остановил падение, а затем вылетел из башни через боковое отверстие в куполе.

Аурика ушла от него, когда Наю было три. С самого начала было видно, что она не выдерживает испытание маленьким ребенком. У нее сносило крышу от необходимости вставать ночью, кормить и успокаивать малыша. Все это пришлось спихнуть на работа-прислугу. Но ведь в нормальных семьях этим занимается мать. Аарон пытался что-то делать, но в тот момент дела на работе шли плохо и приходилось много сидеть, уткнувшись в визор.

В итоге они начали часто ссориться. Аарон четко запомнил один мрачный осенний день, когда он, может быть, впер-

вые с момента рождения ребенка, внимательно посмотрел на Аурику и увидел совершенно чужую ему женщину. Он почувствовал себя совершенно равнодушным к ней. Ну а она-то гораздо раньше его стала видеть в своей новой жизни только заботы, скуку и тоску.

А потом Най заболел. Это был другой день, который Аарон хотел бы выкинуть из памяти, но не мог. Они завтракали вместе. Най как раз набрал большую ложку овсянки и вдруг брякнул ее прямо на пол. Аурика начала на него кричать, но сразу же опешила, когда увидела испуганные глаза мальчика. Он тогда прошептал: «Мама, у меня ручка поломалась». Вот тогда и началось, закрутилось. Одни врачи сменялись другими. Тесты за тестами. Рука то восстанавливала работоспособность, то снова замирала. А через месяц она перестала «выключаться», зато стали отказывать ноги. С ними все было хуже. Не прошло и года, как Най совсем перестал ходить. И ни один врач не мог сказать ничего толкового.

Это было тяжело, но Аарон как-то свыкся. Ко всему привыкаешь, даже к такому. Что касается Аурики, то она, может, и привыкла, но желание жить снова свободной от забот жизни ее перебороло. И однажды она ушла, просто исчезла, оставив короткое сообщение. В нем не было ни объяснений, ни извинений. Аурика написала его только ради того, чтобы ее не объявили пропавшей без вести.

С того момента Аарон жил с Наем один. Най первое время плакал от обиды, злился, но потом свыкся и снова стал обыч-

ным радостным, полным жизни ребенком. Сам же Аарон запретил себе думать об Аурике с того дня, как она ушла. Потом он даже рассудил, что без нее лучше. По крайней мере без нее не приходилось жить как бы постоянно оправдываясь – ни ему, ни Наю.

Покинув портал башни, Аарон несколькими сильными взмахами крыльев поднялся на нужную высоту и полетел к дому. Информатор он нарочно выключил и полностью предался размышлениям. Он перелетел реку, которая теперь не казалась ему такой прекрасной. В ней отразилась небольшая туча, нависшая над бизнес-ареа. «Откуда она взялась? Ведь намек на нее не было?» – машинально подумал он.

Сообщение от доктора высосало из него последние надежды и интерес к жизни. Он бы никому не сказал, но когда летел пару минут назад по направлению к корням секвойи, то всерьез думал, а стоит ли расправлять крылья. Каждый день последние восемь лет он пытался найти выход. Все его заработки уходили на гонорары врачей. Последний по крайней мере объяснил, чем болел Най. Это была редкая генетическая аномалия – синдром Райза-Карташова. И Райз, и его коллега Карташов уже давно были на том свете, а за это время было зарегистрировано всего четыре случая проявления этой редкой болезни, включая Ная. Клетки его мышц постепенно превращались в другую ткань: что-то типа той, из которой состоят рубцы после ран. Какой-то сбой генетической программы организма. Все это происходило внутри и не бы-

ло заметно внешне, но рубцы, как известно, не умеют сокращаться и расслабляться – и мышцы Ная переставали работать. Никто не знал, как лечить эту болезнь. Три предыдущих больных умерли, не дожив до пяти лет. Аарон благодарил судьбу, что Най протянул так долго. Но каждый год он становился все умнее, все талантливее, и оттого все страшнее было думать, что конец близок.

Внизу Аарон вдруг увидел незнакомый флажок. Задумавшись, он отклонился от курса и теперь в густой растительности внизу не мог понять, где оказался. Пришлось включить информатор. *Летим домой. Входящие заблокировать.* Перед глазами замигали стрелочки, показывающие, куда лететь. Аарон взял круто вправо и сразу же впереди увидел белые флажки, ограничивающие его район. Полупрозрачный кружок обозначил его усадьбу вдалеке. *Вот ты где.*

Усадьба была куплена в кредит еще до росписи с Аурикой. Это был скромный дом на семью из трех человек: всего триста квадратов и гектар, засаженный популярными в этом районе кленами, сосной и акациями. Ничего особенного, но им хватало вполне.

Иконка, изображающая птицу, приземляющуюся на ветку, возникла прямо в центре зрения и говорила о том, что пора тормозить. Аарон сделал несколько привычных движений крыльями, как будто выгребал ими воду – снизу вверх. Он почувствовал то приятное ощущение, когда крылья наталкивались на сопротивление воздуха. Ноги коснулись ров-

ной площадки во дворе усадьбы. Пара шагов – и он уже твердо стоял на своем участке рядом с домом.

Через секунду мальчик, бойко перебиравший механическими ножками, появился на крыльце. Он был весел, как только могут быть дети его возраста. *Разве может этот мальчик умереть так скоро?* Глядя на его радостное лицо, Аарон вдруг снова поверил, что не все еще кончено.

Они вместе зашли в дом.

– Па-ап, ты принес ее? – лукаво улыбаясь и смешно приподняв бровь, спросил Най.

– Ох! – Аарон сделал испуганное лицо, как будто забыл, и тут же прочитал в глазах Ная неподдельное разочарование. – Ладно я пошутил, держи! – Аарон вытянул из кармана костяную фигурку и передал ее Наю.

– О! Это что – рыбак? Зачет, па! – механические ножки потянули Ная в другую комнату, где стояла его коллекция.

Каждую неделю после сессии Аарон покупал в лавке у знакомого костяную фигурку. Тот делал эти фигурки сам и отлично знал, для кого Ар их покупал. Поэтому не ленился и всегда придумывал что-то новое. Коллекция скопилась внушительная, и Най очень гордился ею.

Он поставил новую фигурку на специальное место, которое приготовил еще с утра. Теперь он ловко отстегнул свои механические конечности, чтобы дать приток крови в настоящие ноги и спокойно рассмотреть свое богатство, сидя в кресле перед витриной с фигурками.

Последние ноги Аарон купил недавно. Они были быстрыми и обеспечивали Ная такую скорость, что он спокойно играл с соседскими пацанами в мяч. Но для Аарона важнее всего было то, что они вообще не шумели. Как и в крыльях, в них использовался специальный полимер, работающий как биологические мышцы, и последнее поколение этих устройств было совершенно бесшумным. Предыдущие жужжали при каждом движении, и это сводило Аарона с ума. Ему не был неприятен звук, но он постоянно напоминал о неполноценности сына и нависшей над ним угрозе.

Сам Най до недавнего времени не придавал большого значения своему недостатку. От рождения он был очень общительным и даже харизматичным. Это позволило ему не только занять свое место в сложном и подчас очень жестоком детском сообществе, но и стать даже неким лидером в своей компании. Механически ноги полностью заменяли обычные, поэтому он не испытывал каких-либо проблем с этим. Никто никогда не говорил ему о том, что, скорее всего, ему осталось жить недолго. Аарон же считал это правильным и переживал свое горе сам, стараясь не подавать виду. Вот и сейчас он заставил себя выглядеть естественно.

Неделю назад рука снова, спустя столько лет, стала «выключаться». Это не на шутку испугало Ная. Они сделали анализы и молекулярный анализ всего тела. А сегодня пришли результаты. Болезнь, затормозивши было свое развитие, начала снова превращать тело Ная в сплошной рубец. В конце

концов болезнь доберется до сердца и это будет конец.

– Папа, что с анализами? Ты получил результаты? – вопрос застал Аарона врасплох. *Главное, не делать больших пауз.*

– Ничего страшного. Говорят, какой-то подростковый невроз. Скоро пройдет. Завтра куплю тебе таблетки. Попьешь, и все пройдет. Не беспокойся, – он смотрел в исполненные надежды и доверия глаза своего сына и думал о том, что рано или поздно ему придется рассказать всю правду. Возможно, следовало бы рассказать ему прямо сейчас.

Какой-то отблеск этих мыслей, видимо, не ускользнул от Най. Он отвернулся и, не поворачивая головы, проговорил тихо:

– Это хорошо, пап.

Пауза затянулась, и, чтобы сменить тему, Аарон спросил о школе. В ответ Най охотно объявил, что сегодня у него только хорошие оценки. О том, что Гаппи принес сегодня в школу табак, но его засекли на входе и был большой скандал. Пока он это рассказывал, Аарон, поддавшись инстинкту родителя, захотел вдруг спросить, не пробовал ли Най сигаретку, и, как это полагается, испытывающее посмотреть тому в глаза. Но потом передумал. Най еще рассказал, как они словили на пруду жабу и Киру хотела ее надуть, но он не дал.

– Ты молодец, Най. Человек должен быть добр к животным. Они ведь не могут за себя постоять, – поощрял он сына. Так они сидели в детской еще довольно долго. Най вдруг

разболтался вовсю. Видно было, что после сообщения о том, что ему ничего не угрожает, у него как будто камень с плеч свалился. А Аарону же хотелось его слушать. Он смотрел на него и будто впитывал его хорошее настроение. Он даже на мгновение забыл, какая опасность нависла над его сыном.

Аарон пожелал доброй ночи сыну ближе к полуночи. Най заснул еще до того, как Ар мысленно выключил свет и вышел из комнаты. Когда они расстались, эта аура благоденствия, царившая в спальне сына, растворилась, и горе всей тяжестью навалилось на Аарона. Его мучила безысходность. Если была бы хоть капля надежды, но никто не мог ее ему дать.

Прежде чем самому лечь в постель, Аарон сел за столик, где стоял миниатюрный визор. Многие сейчас стали переходить на глазной визор, который проектировал изображение прямо в глазной нерв, но Ара он утомлял и даже немного пугал. Мало ли как может глюкнуть эта электроника и что она может послать в мозг, если в программе произойдет сбой. Он использовал свой глазной визор только в полете, ведь там он действительно очень помогал. Но для остальных случаев использовал старый добрый визор. Маленькое устройство создавало непрозрачное изображение прямо в воздухе. Смотреть на него было комфортно, и за работой можно было провести больше времени.

Целый день маленький компьютер, встроенный в визор, сканировал для Ара все медиапорталы. Просмотр отчета стал для него ежедневным ритуалом. Иногда визор что-то

обнаруживал по серии ключевых слов, которые Ар надиктовывал и время от времени обновлял. Чаще всего ничего стоящего обнаруживать не удавалось. Все темы были слишком далеки от того, что он действительно искал.

Аарон помнил вечер, когда визор показал стопроцентное попадание. Сердце его тогда так заколотилось, что контроллер здоровья выдал сигнал тревоги. Но все было зря. В интервью один доктор назвал синдром как пример очень редкой болезни наряду еще с десятком таких же.

Без особой надежды Аарон просматривал список совпадений. На этот раз улов был совсем бедным: несколько совпадений с ключами «синдром», «неизлечимая болезнь». По отрывкам было видно, что все это чушь. Но вот в конце списка скромно помещалась выдержка, привлекавшая его внимание.

Заокеанским ученым удалось разработать универсальный метод **генетических отклонений**. Метод позволяет изменять **дефектный ген** человека...

Сердце Аарона не стучало, как тогда, но ему показалось, что запись может быть интересна. Эта была всего лишь маленькая рекламная заметка. В ней говорилось, что дефектный ген, какой бы он ни был, подлежит замене за счет специальной комбинации нанороботов, заселяемых в организм, и нужных препаратов. Ар и раньше слышал об успешном лечении с использованием нанороботов, но чтобы исправить ген во всем организме... Это в принципе выглядело невероятным.

Однако Аарон и мог рассчитывать сейчас только на невероятные методы лечения, поскольку все традиционные к болезни его сына не подходили. Давая мысленную команду браузеру, он перешел на страницу создателей гена. Там было не так уж много информации: собирали добровольцев на апробирование метода среди детей до 1 года с синдромом Дауна. При этом гарантированный максимальный уровень смертности 10 %, который такие экспериментаторы должны были публиковать в соответствии с законом, явно не привлекал много желающих.

Рассказывалось о методе как таковом. Группа ученых, ранее создававших нанороботов для решения более грубых и простых медицинских задач, таких как, например, удаление раковых опухолей, решила опуститься на молекулярный уровень. Метод был успешно апробирован на животных, и теперь следовало перейти к следующему шагу.

Аарон, недолго думая, надиктовал сообщение:

– Синдром Райза-Карташева. Как вам такой доброволец?

И моргнуть не успел, как получил ответ.

– Не пробовали, но думаем не проблема. Только не бесплатно. Для апробирования у нас готовы роботы только для детей с синдромом Дауна.

В груди у Аарона заняло. Неужели он что-то нашел? После стольких лет поисков искра надежды появляется как раз тогда, когда, казалось, ей пора угаснуть навсегда. Тут вдруг сомнение начало подтачивать его новую надежду.

– Неужели вы знаете об этом синдроме? Он не так часто встречается.

– Ткани мышц превращаются в коллаген. Оно?

Вот теперь адреналин, наконец, пробил себе в дорогу в кровь. У Ара даже закружилась немного голова от возбуждения. Человек, который сейчас с ним общался (а это определенно был человек, роботы так фамильярно не изъясняются) так быстро дал ответ, что сомнения быть не могло: он знает, о чем говорит. Тот другой решил приписать что-то к своей последней фразе.

– Мы интересуемся всеми генетическими дефектами. Синдром, о котором ты говоришь, друг, не такой уж страшный с точки зрения нашего метода. Нужно подкрутить только один ген.

– Какова вероятность успеха?

– Без понятия. У крыс 40 % выздоравливали (от других болезней, конечно), а 10 % откидывали лапки. Я пытаюсь быть предельно откровенным. Без обид.

Вот так вот. Аарону подумалось: может, стоит прекратить разговор, пока не поздно? Но осталось задать еще один вопрос:

– Сколько это может стоить?

– Запрограммировать робота мы сможем бесплатно. Ведь нам же будет для эксперимента. Один робот стоит фигню – одну сотую цента.

– Сколько же их нужно?

– В этом-то и проблема. Десять миллиардов, думаю, хватит.

Аарон быстро отнял нужное количество нулей и ужаснулся. Это стоимость трех его усадеб, которая и так куплена в кредит. Он замер, уставившись на цифру на экране. Через некоторое время тот на другой стороне дописал:

– Чего молчишь? Ты в курсе, сколько клеток вообще в теле? Примерно сто триллионов. Ладно, мне пора сворачиваться. Захочешь поговорить серьезно, поговори с моим дедом. Днем он всегда в онлайн, а сейчас дрыхнет. Я у него на подработке. Только не думай, я не шутил по поводу синдрома. Мы действительно можем помочь, хоть и стоит это до хрена, не спору. Чао!

Некоторое время Аарон ничего не делал и совсем не двигался. Он так и смотрел на визор. Бывают в жизни моменты, когда ты вдруг достигаешь того, чего так хотел, и начинается новая веха. Сколько лет он искал решение? Сколько бессонных ночей он провел в поисках – и вот оно. Но разве было это решением? Где достать такие деньги? Это не просто большая сумма. Это нечто недостижимое! Вот живет себе человек и знает, что кто-то способен купить себе собственный самолет или трехъярусную яхту. И конечно, где-то в мечтах он может увидеть себя на этой яхте, но всерьез никогда не думает о ней. И вдруг он, рядовой разработчик интерпретаторов речи для бытовых устройств, оказывается лицом к лицу с практической задачей. Ему нужно найти денег на три

такие яхты и не потом, а как можно быстрее, пока его сын, которого он любит больше всего на свете, не умер, не став даже тинейджером.

Аарон шумно выдохнул и откинулся назад на спинку. Может быть, лучше было и не находить эту страницу? Что теперь делать с этим знанием? Это тупик.

Полежав немного с закрытыми глазами и почти ни о чем не думая, Аарон, наконец, постарался взять себя в руки. Сперва нужно загрузить поиск решения. Он открыл нужную страницу и надиктовал запрос: нужно достать миллион эгеров за месяц, только законные методы. Выбрал платный подход и, недолго думая, вписал очень крупную сумму: пять тысяч эгеров, которая тут же улетучилась с его счета. Это была большая комиссия, и Аарон знал, зачем ее платить. Сейчас ресурс нескольких суперкомпьютеров на пару часов полностью будет использован именно для этого запроса. За эти два часа они сделают столько работы, сколько в бесплатном режиме не сделали бы и за год. Не беда, что он отдал половину месячного дохода. Ему нужно было однозначно удостовериться в том, что решения нет. Или, если чудо возможно, эта штука найдет, как его отыскать.

По экрану тут же начали проноситься идеи. Красивый эффект для того, чтобы ожидать решения было не так скучно. Через десять минут Ар незаметно сам для себя осел в кресле и заснул.

Что-то очень нехорошее приснилось Ару. Он открыл гла-

за, не понимая, что он есть такое, и несколько секунд бездумно мигал глазами. Было еще темно. Экран визора, определив пробуждение пользователя, снова стал мигать обрывками идей. Аарон припомнил сон. Ему снился плач Ная, доносившийся из бездонного колодца. От этого страшного сна он и проснулся.

И вдруг он услышал его снова: приглушенный, но вполне ясный крик горя. Аарону понадобилось мгновение, чтобы понять, что это не сон и что это плачет его сын.

Все еще в полусне он выбежал в коридор. По дороге зацепил напольную вазу, которая шумно свалилась позади него, но не разбилась. Когда она перестала раскачиваться на полу, Аарон уже вбежал в комнату сына и увидел душераздирающую картину. Ночник под кроватью был включен. Най стоял на коленях перед своей кроватью и, уткнувшись в подушку, безутешно плакал. Он подбежал к Наю, обнял его и стал нашептывать, что все будет хорошо, но Най неожиданно и очень жестко отмахнулся от него. Потом он повернулся. Глаза были опухшими от слез, дыхание прерывалось. Он, видно, плакал немало времени.

– По-почему ты м-мне не ска-сказал?! – прокричал он ему прерывисто. Аарон начал догадываться, что произошло. Но как, как он мог узнать? Най словно прочитал его немой вопрос. – Я-я прочит-тал твою почту!

И тут волна гнева накатила на Ара. Он не успел его осознать и скрыть. Аарон злился в первую очередь на себя, но

выплеснул все на своего несчастного сына.

– Как ты посмел рыться в моей почте?! Кто тебе разрешил?! – он сказал это и тут же запнулся. *Боже, как я мог такое ляпнуть. Идиот!* – Най, послушай, прости меня. Я не...

И тут Най, уже не говоря ни слова, перестал плакать, решительно подтянулся на руках, прыгнул в свои механические ноги, стоявшие рядом, и начал уверенно выталкивать Аарона из комнаты. Они очень давно не ссорились, а чтобы так – никогда, и тем страшнее для Ара было осознавать свою чудовищную ошибку. Униженный, он попятился к двери, а Най с искаженным обидой и злобой лицом толкал его к выходу. Дверь захлопнулась.

Аарон был в ужасе. Он без сил съехал по стене возле двери в комнату и так и остался сидеть, желая только одного – прощения. Он предпочел дать Наю успокоиться одному, а сам прокручивал в голове то, какие слова ему скажет. *Но почему же вместо этих слов ты на него наорал, придурок?!* – ругал он себя, вцепившись обеими руками в волосы.

Пару минут они оба молчали. Тут Аарон услышал какой-то непонятный звук за дверью и вдруг понял, что это костяная фигурка с размаху ударилась о пол. Одна, затем другая, третья. Сам Най не издавал ни звука.

На пятой фигурке Аарон решил все-таки заговорить.

– Послушай, Най. Я прошу у тебя прощения. Ты знаешь, как я тебя люблю. – Как раз должна была разбиться о пол следующая фигурка, но за дверью была тишина. Най слушал.

Аарон старался говорить спокойно:

– Мальчик мой. Я был так зол, но не на тебя, а на себя.

Ведь из-за моей глупости ты узнал все так... – он запнулся, – так неправильно. Мне жаль! Ужасно жаль! Открой дверь, пожалуйста, мне нужно многое сказать.

– Я не хочу ничего слушать! Оставь меня в покое, Папа. Оставь! – и Най снова заплакал. Пытаясь перекричать рыдания, Аарон крикнул как можно отчетливее:

– Не вздумай себя хоронить. Я знаю, как тебя вылечить! ЭТО ПРАВДА!

Он, наконец, не выдержал и сам зарыдал, все еще сидя под дверью. Конечно, он знал теперь, как его вылечить, но что делать с этим, не знал. И опять он собирался лгать сыну. Дверь вдруг распахнулась. На пороге стоял Най. Он все еще плакал, но и улыбался одновременно. Его заплаканное личико светилось счастьем.

– Это правда, папа? Я так испугался! Я не хочу умирать. Мне так страшно!

– Да, это правда, мой мальчик, правда, правда, – шептал он, уводя Ная обратно к кровати. Все еще нашептывая, он вытянул Ная из механических ног и уложил в постель.

Спустя час Най дал окончательно себя успокоить. Аарон рассказал ему о том, как они скоро поедут за океан лечиться, как в организм к нему будут запущены миллиарды добрых роботов-микробов, которые исправят неправильный ген. Под эту полусказку Най и заснул. Измученный же Аарон

вернулся к себе и еще долго лежал в постели не в силах заснуть. Заходя в комнату, он не взглянул на визор, на котором мерцала скромная надпись «Решение найдено».

2

Гарольд Рокуел сидел в удобном кресле посреди зала, за полного толпой гостей, и задумчиво рассматривал большой, с перепелиное яйцо бриллиант, красовавшийся в его старой, как и он сам, трости. Алмаз был красив! Он представлял себе мастера, который с трепетом в первый раз берет в руки неграненый мутный кусок древней породы. Какой смелостью нужно обладать, чтобы взяться за огранку такого экземпляра? Пятнадцать карат – он просто огромен! А ведь при огранке мастер потерял около половины веса. Пятьдесят пять граней – любимая огранка маркизы де Помпадур. Она знала толк в роскоши!

Гарольд любил этот бриллиант. Многие покупают драгоценные камни лишь для того, чтобы подчеркнуть свой статус. Он же считал, что в нем есть душа или даже что часть его собственной души поселилась в этом камне. Трость, в которой бриллиант нашел свое последнее пристанище, тоже была достойна внимания. Отец подарил ее Гарольду на сорокалетие. Ей было не меньше двухсот лет уже тогда, это семейная реликвия. С того момента, как ее произвели вручную из самшита, одной из самых прочных, твердых и дорогих пород дерева, ее никто не ремонтировал. Инкрустация золотом и платиной затерлась и потемнела, краска в некоторых местах

слезла совсем и обнажала желтоватую древесину. Но Гарольду и в голову не приходило приводить ее в порядок. Напротив, так она нравилась ему даже больше. Бриллиант он добавил в трость значительно позже, когда стал богатым. Его отец и мать уже отправились на тот свет, когда он заработал свой первый миллиард. Сейчас он уже и не считал свое состояние. Оно было ему неинтересно. Все надоедает, особенно если тебе только что стукнуло восемьдесят.

Но сегодня один невзрачный человек, работающий в закрытой от чужих глаз лаборатории, преподнес Гарольду настоящий подарок к юбилею. Вот он – маленький конвертик лежит слева от пустой тарелки, в нем кусочек бумаги (старомодное средство для сообщений, которое теперь использовалось только аристократами) и одно слово, которое теперь стало дороже всех слов, сказанных ему за долгую жизнь: «Получилось!»

– А ну-ка, Стизи, – он поднял руку и, почти не глядя на своего старого слугу, поманил его старческим крючковатым пальцем, – налей-ка мне вина. Я хочу сказать тост.

Стизи, едва сдержал удивление. Лет десять хозяин не пил алкоголя и вот вдруг. Он, конечно же, не подал виду и подозвал официанта. Через минуту бокал был наполнен сухим белым вином, которое раньше предпочитал Гарольд, насколько мог припомнить его прошлые предпочтения Стизи.

– Я хочу сказать тост! – скрипящий, но все еще властный голос Гарольда вызвал замешательство гостей. Все разгово-

ры тут же утихли. Официанты засуетились, наполняя бокалы. – Я рад, что так много людей пришло поздравить меня сегодня. Пусть только идиот может радоваться своему восьмидесятилетию, я все же рад. И хочу пожелать вам – хотеть. Неважно чего, но хотеть и достигать. – Он обвел присутствующих взглядом, не сомневаясь, что здесь он может делать какую угодно длинную паузу. Никто даже не кашляет. Так и вышло. – И я тоже хочу! И скоро получу то, чего хотел так долго. Даже такой старик, как я, может быть счастлив. А теперь выпьем за наши желания!

Он резко встал и опрокинул в себя целый бока вина. Те, кто стоял поближе, увидели, как по его желтому морщинистому лицу разлился румянец. Глазной визор Стизи тут же начал сигнализировать о повышении давления у хозяина, но тот проигнорировал сообщение. Он смотрел на Гарольда в полном убеждении, что что-то произошло. Он был уверен в этом, потому что знал его лучше всех присутствующих и никогда его таким не видел.

Спустя несколько мгновений Гарольд рухнул обратно в кресло и прокаркал с довольной миной:

– Музыканты, играйте музыку! Давайте танцевать!

«Это уже чересчур», – подумал Стизи, но ничего не сказал.

После своего тоста Гарольд был невероятно весел. Он станцевал вальс с какой-то женщиной, которую так и не вспомнил. Подмигивал молодежи и вел себя даже где-то

неприлично. Но он был настолько богат, что гости готовы были простить ему все ради того, чтобы быть поближе к этому влиятельному знакомому.

Правда, задора хватило ненадолго. Через два часа он приказал Стизи подать лимузин и отправился в свой особняк. Он был все еще весел, сидя в машине, но ужасно устал. Час назад он собирался даже ехать в лабораторию, но передумал. Он только вызвал через обычный визор (информатором он не пользовался – опасно для старых мозгов) своего помощника и приказал «найти тело, и срочно».

На следующий день Гарольд поднялся раньше обычного. Уже лет двадцать прошло, как он перестал заводить будильник. Зачем будильник человеку, который полностью владеет своим временем? Ну а к старости надобность в нем совсем отпала. В пять он обычно открывал глаза и спать больше не мог. А теперь поднялся засветло и приказал подать завтрак. Заспанный официант зашел в комнату, не стучась, чем тут же вывел из себя хозяина.

Гарольд подождал, пока тот разложит перед ним приборы, подаст яичницу с беконом, тосты и апельсиновый сок. Все это время он молчал, внешне спокойный, но негодующий внутри, а когда официант развернулся, чтобы выйти, заорал так, что юноша чуть не свалился на пол с перепугу:

– Ты что себе позволяешь, сонная муха?! Как ты смеешь входить ко мне без стука?! Откуда ты знаешь, чем я тут занимаюсь?!

Парень развернулся и встал как вкопанный, не зная, что сказать.

– Ты возомнил себе, что можешь поспать дольше, чем я?! Что молчишь?! – В его каркающем голосе на последнем вопросе появились фальцетные визгливые нотки. О! Как же он их не любил! Портят весь эффект, когда ты в гневе. Они только пару лет как появились.

Эти нотки и спасли парня от верного увольнения. Рокуел так раздосадовался, что потерял настрой, которым до этого очевидно наслаждался. Он больше ничего не сказал и, нахмурившись, указал официанту на дверь. Тому только того и нужно было. Дверь за ним захлопнулась в одну секунду.

«Чертов идиот. Беги всем расскажи, чтобы другим неповадно было», – этой мыслью Гарольд проводил проштрафившегося официанта и тут же забыл о нем. Он переключился на яичницу. В то утро она показалась ему действительно вкусной. Хотя он давно уже не чувствовал особого вкуса в еде, вчерашнее событие, тот конверт, как будто влил в него новую силу, он прямо молодец на глазах.

Позавтракав, Гарольд приказал подавать лимузин и поехал будить Тайко.

Тайко был доктором, которого Гарольд отыскал на японских островах десять лет назад. В то время он ездил по миру, встречаясь с самыми разными людьми. По большей части все они были мошенниками и шарлатанами, но всех их объединяло одно: стремление открыть секрет вечной жизни.

Идея завладела Гарольдом Рокуелом еще в юношестве. В то время он переживал период осознания конечности своей жизни и часто вставал посреди ночи весь в поту, только чтобы прийти в себя. Страх неизбежного конца в сочетании с убежденным атеизмом душил его по ночам, и он не мог ничего с этим поделать.

И вот тогда он решил, что не будет, как все остальные, жить с этим страхом. Он был не в силах сам придумать, как обмануть природу, но решил, что в мире достаточно людей, обладающих нужными знаниями и достаточно смелой фантазией. Почему их идеи до сих пор не воплощены в жизнь? Потому что фантазеры нечасто способны заработать себе деньги. В этом-то и была его теория. Он планировал методично изучить все, даже самые невероятные идеи на эту тему, найти одну-единственную правильную и вложить в нее деньги.

Всю свою жизнь он фактически положил на реализацию этого плана. Его родители если и не одарили его большим умом, то уж точно воспитали в нем целеустремленность и упорство.

Итак, много лет он скрупулезно изучал каждую идею, которую мог найти в сети. Он встречался с людьми лично, хоть и понимал в большинстве случаев, что тут и речи быть не может о реальной перспективе бессмертия. Он встречался со всеми этими полоумными колдунами, алхимиками, докторами, биологами хотя бы для того, чтобы из всего того фанта-

стического бреда, который они несли на встречах, по крупице собирать свою собственную идею. С годами эта идея действительно стала обретать некую форму, но настолько неуловимую, что он сам ее не осознавал, пока не встретил того самого Тайко.

Что было интересно и что даже несколько его разочаровывало, это то, что Тайко не был в его списке. То есть он нашел его не благодаря своей системе, а по чистой случайности. Друг Тайко, другой азиат, с которым Рокуел как раз и собирался встречаться, заболел и отослал Тайко вместо себя из уважения к важной персоне. Когда Гарольд узнал, что его собеседник не явился, а прислал непонятно кого вместо себя, то сначала очень разозлился. Но тут Тайко, чтобы, как он сам признался потом, немного разрядить обстановку, без обиняков заявил, что он страшно удивлен тем, что кто-то вообще мог заинтересоваться бредовой идеей его полоумного товарища. Сам Тайко никаким другом заболевшего неудачника не считал и отправился на эту встречу из очень даже корыстных целей. У него были свои разработки, и он отчаянно искал спонсора для их реализации. Гарольду такая прямота понравилась. Он и сам был прямой, как дорога, с людьми, и он сразу переменял гнев на милость. Они поговорили. Гарольд ради праздного интереса спросил, чем тот занимается. А когда Тайко начал рассказывать, старика как будто кто-то обухом по голове ударил. Как опытный бизнесмен он всем своим видом демонстрировал скуку, но внутри трепетал.

Через месяц Тайко уже работал на Рокуела в собственной лаборатории, которую тот арендовал. Удачливый ученый также получил все необходимое оборудование и материалы. Он и не гадал, что все так выйдет, но уже тогда начались его первые эксперименты.

Через долгих пять лет Тайко провел первую успешную трансплантацию памяти и сознания между двумя мышами. Прошло еще пять лет многочисленных успешных и провальных экспериментов, пока как-то раз Гарольда не хватил удар. Говорили, что он рухнул прямо на сервированный стол, чем перепугал всю прислугу. Они, наверное, так и стояли, если бы не подоспел верный Стизи. Старика тогда откачали, но этот случай заставил Гарольда изменить своему терпению. На следующий же день он вломился к Тайко в лабораторию и с порога заявил, что не намерен больше ждать. Ученый за все десять лет так и не успел испытать знаменитый гнев Рокуела на себе. Он, не подумав, начал было придумывать отговорки, как вдруг Гарольд ни с того ни с сего схватил своей старческой рукой Тайко за горло и начал отвратительно шипеть ему на ухо. Гарольд сказал ему тогда что-то ужасное, что он вернет его в то же дерьмо, из которого его вытащил, если через месяц Тайко не сможет похвастаться операцией на людях. С тех пор они не виделись ровно месяц, и когда срок истек, наступил день рождения старика. К его юбилею измученный, не спавший по несколько суток кряду Тайко завершил операцию на двух осужденных, предусмотрительно

вызволённых из тюрьмы Гарольдом взамен на «небольшое одолжение».

Сейчас Тайко ждал Гарольда у себя в лаборатории и молился, чтобы тест прошёл нормально в присутствии старика. Если все получится, то Рокуел обещал ему передать все права на изобретение, полную свободу действий и стартовый капитал. Сидя в своей лаборатории, в очередной раз проверяя на экране визора результаты эксперимента, Тайко мечтал о светлом будущем, в котором он будет признан всем миром как спаситель и последняя надежда старых или неизлечимо больных людей: тех, кто при деньгах, конечно же. Он совсем уж замечтался, когда Гарольд, как всегда без стука, вошёл в дверь.

– Ну что, мой японский друг, показывай свой подарок на мой юбилей! – прокаркал он, нетерпеливо теребя свою неизменную трость.

– Доброе утро, господин Рокуел! Я хотеть бы... – на английском он разговаривал плохо, и это раздражало Гарольда.

– Хватит разговоров! – прервал Рокуел, подняв руку, – мне не нужны твои косноязыкие поздравления. Показывай побыстрее, что ты там нахимичил, а то я, глядишь, помру тут от нетерпения. Тогда ты точно получишь дулю вместо авторских прав.

– Я понять вас, господин Рокуел, – Тайко даже рад был, что ему не пришлось придумывать пожелания Гарольду. Честно говоря, он вряд ли искренне желал ему чего-нибудь

хорошего. Разве что пережить операцию, которую Тайко готовил для него десять лет.

Азиат повел Рокуела в другую комнату, где на двух разделенных двойной капельницей койках лежали два «добровольца». Даже по их умиротворенным спящим лицам было видно, что их предыдущая деятельность была не слишком интеллектуальна. У одного была сломана скула. Она торчала вбок, делая обритую голову несимметричной. Второй был рыжий в веснушках, но этот сентиментальный рисунок портили массивные надбровные дуги и челюсть. В общем, образцы были хоть куда, хотя никому из присутствующих в комнате не было до этого дела.

– Они не спят, а пребывают в полусознательном состоянии. Сейчас я покажу вам кое-что.

Тайко взял с полки планшет небольшого формата, поводит по нему пальцами и вывел на весь экран фотографию известного комика.

– Ты издеваешься надо мной, Тайко? Ты привел меня сюда показать этого клоуна?

– Не спешить, Гарольд. Этот клоун может вам не нравиться, но вы его знаете, правда?

– Да, конечно! Кто ж не знает?

– Действительно. Этого знать все. По данным исследований, он один из популярнейших артистов на планете.

– И что же из этого?! – Гарольд очевидно терял терпение.

– Эти два спящих преступника тоже его знают. Смотрите

внимательно!

Тайко подошел к левой койке, где лежал рыжий с большой челюстью. Наклонился над ним и пальцами раздвинул ему веки одного глаза. Затем сунул ему визор прямо под нос. Другой визор, стоявший на передвижном столике вместе с капельницами, вдруг включился и показал картинку мозга, по которому разошлись цветастые пятна.

– Смотрите, Гарольд. Эти пятна говорят о том, что он его узнать.

– И что с того?

– Погодите, – продолжал Тайко, – попробуем со вторым.

Он проделал тот же фокус со вторым пациентом, и картинка с мозгом опять заиграла на экране визора.

– Теперь смотрите, Гарольд. Вы знать эту женщину? – он показал Гарольду какую-то женщину на экране своего планшета.

– Нет. Она тоже комик? – спросил старик, недоумевая.

– Покажем ее им. Смотрите. Видите, мозговая активность слабая. Они не знают ее. Вы ее не знаете, и я ее не знаю. Ее вообще никто не знает... Я ее сфотографировать вчера на улице. Хе-хе.

– Тайко, я устал слушать эту чушь, давай к делу! Знать-не знать, к чему ты клонишь? – Гарольд пока так ничего не понял.

– Смотрите теперь на эту женщину, – он показал фото толстой женщины.

– Ты не мог выбрать кого поинтереснее на улице?

– Терпение, остаться немного. Вы сейчас все понять, – Тайко опять открыл глаза верзиле со сломанной скулой. – Смотрите на экран, он узнавать ее. А теперь гляньте сюда, Гарольд, вы теперь понимать?

Тайко показал Гарольду другую фотографию, на которой крепкий мужчина с копной рыжих волос обнимал ту же толстуху, которую, только что показывали скуластому. И вдруг до него дошло.

– Это жена рыжего! Ох! – это все, что смог сказать старик. Он сел на стул, который предусмотрительно подъехал сзади, когда Гарольд начал оседать на месте. – Тайко, ты молодец! Ты это сделал, черт бы тебя побрал!

Тайко смотрел на Гарольда очень довольный. Тест удался! Его мечта уже сейчас становится явью. Осталось только добиться, чтобы здоровяки поскорее вышли из комы и чтобы ума у них при этом не убавилось. «А ведь хорошо, что они и до этого особо интеллектом не блистали», – подумалось ему.

3

Аарон проснулся от луча солнца, который как раз пробрался в щель между гардинами, закрывавшими большое, на всю стену, окно его спальни. Погрузившись под утро в глубокий сон, Аарон смог неплохо отдохнуть, и даже вчерашние его терзания казались ему теперь слабостью. *Я найду выход*, – думалось ему, – *нужно только очень, очень сильно постараться*. Тут он, кстати, вспомнил о том, что запустил

поиск решения. Он подошел к визору, и экран тут же включился. Остатки сна улетучились из его головы, когда он увидел сообщение.

РЕШЕНИЕ НАЙДЕНО. ПРИБЛИЖЕНИЕ К ИДЕАЛУ – 95 %.

Это невероятно! 95 %. Такой результат он не видел никогда, даже при решении задач куда проще. Торопясь, он щелкнул на просмотр решения – и с первых слов мурашки побежали по спине.

Богатый, но пожелавший оставить себя в неизвестности, пожилой человек обменяется с молодым и здоровым мужчиной телом за соответствующее случаю вознаграждение.

Написано было слишком витиевато. Так пишут аристократы – люди с двойным именем. И это короткое, хоть и совершенно безумное объявление не казалось уткой. Как опытный специалист в сфере искусственного интеллекта Аарон как никто другой понимал, что означает 95 % приближения к идеалу. Суперкомпьютер за ночь проверил все в мельчайших деталях и не нашел даже малейших доказательств неправдивости или сомнительности объявления. Скорее всего, оно реальное. И если кто-то в этом мире действительно нашел способ поменять тела местами, то новое тело должно достаться ему недешево.

Предложение, если предположить, что оно не было подделкой, было вполне понятным. Берешь свое тело в расцвете сил и отдаешь старику, а себе забираешь его, укоротив свою

жизнь одним махом лет на пятьдесят–шестьдесят. У Аарона холодный пот выступил на лбу, когда он примерил на себя эту перспективу. Он передвинул объявление в корзину и решил посмотреть, что еще нашел для него суперкомпьютер, но все другие предложения заметно уступали этому по реалистичности. Где-то реализация напрямую вела к смерти, где-то последовательность действий казалась настолько сложной, что для их выполнения понадобились бы годы. Спустя час бесплодных просмотров он снова указал пальцем на корзину, она расширилась на весь экран визора. На ее дне одиноко лежало объявление. Одна мысль о нем – и он снова похолодел. Аарон не стал открывать его, текст врезался в память навсегда. Он и не подозревал, какую немислимую череду событий вызовет это объявление впоследствии, но пока он порывистым движением выключил экран визора и встал.

Най еще спал. Аарон заглянул к нему в комнату, услышал его ровное дыхание, и оно немного его успокоило. Потом он начал бесцельно переходить по дому, стараясь не шуметь: из кухни в гостиную, оттуда к себе, потом опять в кухню. Проходя мимо рабочего места и глядя на потухший экран, он все еще видел перед собой злосчастный текст: «...соответствующее случаю вознаграждение».

Черт, а это тяжело! – думал он, продолжая расхаживать по комнате. Беспокойство и нервное напряжение нарастало. Аарон чуть не закричал, когда за его спиной открылась дверь и вошла няня Ная – Аская.

– Это ты, Аская? – он смотрел на нее выпученными глазами так, что она даже испугалась.

– Я не вовремя? Я могу зайти позже, – проговорила она несмело.

– Нет-нет,ходи! Конечно же! – он затараторил. – Просто я, может, напугал тебя. Я думал о чем-то своем... Най скоро проснется. Заходи, не стой около двери. А я... А я пойду.

Аарон сделал шаг навстречу Аскае, и та уступила ему дорогу, продолжая удивленно смотреть.

– Я... я буду скоро. Будь с ним поласковее, – он и сам не понял, зачем это сказал. Аская была всегда очень ласкова с Наем. Возможно, даже чересчур.

Аарон выскочил из дома в чем был. Постоял около входа и решил вернуться за одеждой. Аская все еще стояла там, где он ее оставил. Он глянул на нее мельком и быстро пошел в комнату. Ему хватило пары минут, чтобы переодеться. Когда он выходил, девушка уже что-то готовила для Ная на кухне.

Выйдя на улицу второй раз, Аарон снова остановился, вдохнул полные легкие свежего весеннего воздуха и зашагал к ближайшей вышке. Она была в квартале от его дома. Прогулка чуть отвлекла его от тяжелых мыслей. Аккуратный тротуар, на котором не было ни единой мусоринки, вел через череду таких же небогатых усадеб, как у него. Некоторые соседи, улыбаясь, махали ему из-за металлических заборов, отделявших лужайки перед их домами от дороги. Он рассеянно махал им в ответ и продолжал идти к вышке. Ее было

легко разглядеть над домами.

Эта вышка была класса С, самая низкая – всего пятьдесят метров. Таких в городе было достаточно много. И с них было сложно спланировать далеко. Дойдя до поворота, он вспомнил, что нужно отослать предупреждение. Мысленно он послал сообщение вышке, чтобы робот успел подготовить его крылья.

Свернув на нужную улицу, Аарон ускорил шаг. Он, наконец, решил, куда полетит, и хотел добраться на место как можно быстрее. Когда он дошел до вышки, то обнаружил небольшую очередь. Здесь был всего один лифт, способный перевозить до четырех человек зараз. Вышка в диаметре была не более полутора метров, и пневматическая шахта, в общем-то, занимала всю эту площадь. Прождав минут пять, Аарон зашел в лифт.

Сколько лет он уже летал, а все же перед каждым полетом ощущал легкий трепет в груди. С самого детства детей учат летать, но даже летая всю жизнь, сложно привыкнуть.

Бесшумный лифт донес его до вершины вышки. На выходе он поискал глазами по полкам и нашел свои крылья марки «Яна Доблаками». Это были его любимые: легкие, бесшумные и эффективные. Одного взмаха было достаточно, чтобы подняться на три метра. На этой вышке он был частым гостем, и система каждый раз возвращала их сюда.

Ловко натянув крылья, Ар услышал покалывание подключенного к спинному мозгу контакта. Тело его ощутило при-

вычное присутствие дополнительных конечностей. Ар провел пальцем по панели оплаты услуг вышки, перед ним отъехала в сторону прозрачная заслонка. Через мгновение приятное ощущение воздуха, наполнявшего оба крыла, успокоило его нервы.

Он летел к Гире – университетскому другу, которого не видел уже, казалось, сто лет. Почему-то Аарону даже не пришлось в голову проверить, дома ли тот. Он просто парил в знакомом направлении, оставляя за собой усадьбу за усадьбой. За пределами его квартала начинался парк. Он глядел на проносящиеся под ним деревья, пруд и ручей. Там они любили бывать с Наем. За парком начинался университетский квартал. Так сложилось, что там селились преподаватели, профессура и вечные студенты типа Гиры. Гира, конечно, давно уже не работал в универе, но покидать любимую усадьбу не стал.

Усадьбу Гиры легко было отличить от остальных. Она вся была усажена экзотическими деревьями и больше походила на участок природного парка, чем на двор горожанина. Ар включил помощника посадки и приземлился в точно указанном компьютером месте. Теперь оставалось застать друга дома.

Когда он отложил крылья, произошло нечто неожиданное. Из-за угла дома, около которого он находился, вышла огромная, прямо-таки немислимых размеров собака. Она шла бесшумно, не спеша, и во всем ее виде читалось звери-

ная уверенность в себе. В длину псина была не менее двух метров, в холке доставала ему до пояса. Все ее тело было укрыто длинной, не везде аккуратно, но все же расчесанной черной шерстью. Голова поражала больше всего. Она была размером с хорошую печь для разогрева пищи. Ар было решил попробовать поладить с ней, но на его «привет, хорошая собачка» животное издало короткий, но грозный рык. В голове у Аарона вдруг промелькнул недавно прочитанный пост о том, что в рыке собаки зашифрован ее размер. В этом коротком рыке он почувствовал такую глубину низких частот, что невольно ощутил животный страх: в солнечном сплетении нервы предательски заныли. Что делать, если она бросится?

Но собака не бросилась. Лениво выдохнув, она легла в двух метрах от него и прикрыла глаза, очевидно, наслаждаясь утренним солнцем.

Аарон стоял не шевелясь. Первое, что пришло ему в голову, – это набрать Гиру. После некоторой паузы включилась голосовая почта, в которую Ар, не стесняясь, выругался. Он глянул на собаку. Та как будто решила вздремнуть и прикрыла глаза, но как только Аарон сделал шаг по направлению к двери дома, снова кратко рыкнула, давая понять, что пропускать незваного гостя не собирается.

Тогда Ар вдохнул поглубже и заорал: «Гира, черт побери, выходи во двор! Твоя собака взяла меня в заложники!» И тут пес как по команде вскочил, подбежал вплотную к Ару,

да притом так быстро, что он даже не успел шелохнуться, и клацнул несколько раз прямо перед местом, которое каждый мужчина предпочел бы держать подальше от собачьих челюстей. Аарон больше не кричал. Он сел на мягкую траву и стал ждать. Собака вернулась на свое место и тоже легла как ни в чем не бывало.

Собака и Ар провели вместе не менее часа. Ар уже начал дремать, когда услышал скрип входной двери. Из дома вышел мужчина средних лет, выглядящий слегка помятым. Он был одет во что-то такое, что одинокие люди часто носят по дому постоянно, отчего эта одежда после многих лет носки окончательно теряет определенную форму. Мужчина потянулся, и вдруг заметил Ара.

– Вот это да! Ар, что ты тут расселся? Почему ты меня не разбудил? Это правда ты или у меня глюки после вчерашнего? – удивленно проговорил Гира, не веря своим глазам.

– Твой маленький песик позаботился о твоём сне, – проворчал Ар с деланой обидой.

Пока он тут сидел, то сочинил целую тираду нелестных слов в адрес Гиры и уже успел в голове отрепетировать приветствие раз сто. Но сейчас ему было настолько приятно видеть старого друга, что все обиды улетучились в один момент.

– Да-ак! Ко мне! – позвал Гира. Собака тут же встала и, виляя хвостом, который больше походил на кусок тяжелого корабельного каната, посеменил к хозяину. – Ты, Дак, мо-

лодчинка! Заработал бутерброд с колбасой. – Гира похлопал полугрузовик-полусобаку по громадной холке, и та довольная удалилась.

– Я, надеюсь, тоже заработал бутерброд с колбасой? Честное слово, Гира, а вдруг ты бы поехал повидать дальние страны. Возвратившись, ты бы обнаружил мой скелет у себя в саду.

– Дай я тебя обниму, Ар. Я не видел тебя сто лет и здорово рад тебя видеть, – Гира вытянул руки навстречу другу, и Ару больше ничего не оставалось, как окончательно перестать обижаться.

Они крепко и искренне обнялись, и Гира проводил Аарона в дом. Там, насколько помнил Ар, как всегда, царил творческий беспорядок. Вещи в доме Гиры находили свое место в самых непредсказуемых местах, но при этом хозяин всего этого беспорядка жил с этим всем в гармонии. Он был убежденным холостяком и редко принимал гостей, так что некому было его упрекнуть. Аарон переступил через склад каких-то склянок, стоявших прямо перед входом. На полу стояло также множество картонных коробок со всякой всячиной. Видимо, когда шкафы закончились, Гира приобрел их в достаточном количестве. Все ж лучше коробки, чем ничего.

– Тебе бы нужно сдать в переработку процентов девяносто всех этих вещей, – обронил он, пробираясь к дивану, к которому Гира, очевидно, вел гостя.

– О, я прислушаюсь к твоему совету, мамочка, – съязвил

Гира. Аарон не обиделся.

Посередине царства беспорядка в огромной гостиной стоял большой дорогой визор на подставке. Видимо, только участок вокруг него Гира был в состоянии поддерживать в порядке. Перед визором стоял внушительный диван, на который Гира предложил сесть гостю. Они сели. Маленький робот с подносом привез напитки в высоких стаканах. Скорее всего, Гира заказал их мысленно, потому что вслух он ничего не говорил и не спрашивал Ара, чего он хочет.

Ар не стал отказываться. На душе было тошно, так что ему все равно было, что за мутная жидкость в стакане. Он выпил ее залпом и почувствовал приятное тепло, спустившееся по пищеводу в желудок.

– Так чего же ты пришел, Ар? Что-то случилось с Наем? – в отличие от Аарона, он тянул свой напиток из трубки. – Хочешь еще мутяки? *Мутяка – хорошее название*, – подумал Ар. Он кивнул, и робот привез еще один стакан.

– Ты прав, дело в Нае, – Ар немного потупился.

– Я сразу понял... Без обид, но ты ведь не являешься в последнее время, когда тебе хорошо. Выкладывай, я слушаю.

Аарон был благодарен давнему другу. Ему действительно очень не хватало того, кто мог бы его выслушать. В нем накопилось много боли, и теперь его словно прорвало. Он начал издали, чувствуя потребность в этом, но Гира слушал его, не перебивая, хоть многое из всего этого было ему уже известно. Аарон говорил долго и сбивчиво, перепрыгивая с

рассказов об Аурике на Ная и обратно. Когда он дошел до сути последних событий, Ги́ра слушал очень внимательно. Наконец, Аарон подытожил свой рассказ сомнением.

– Я не знаю, Ги́ра. Я не знаю, что сказать. Мне очень страшно. Тебе-то я могу в этом признаться! – он с надеждой смотрел на Ги́ру. – Что мне делать? Вдруг все это фуффло? Может, никакого метода нет и я нашел в сети всего лишь мошенников? Я променяю полжизни, которые мог бы провести с Наем, на мнимое выздоровление? Скажи мне что-нибудь. Скажи!

Аарон выглядел жалко. Он вряд ли кому-либо, кроме лучшего друга, мог высказать свои страхи. Ему было невозможно стыдно за них, потому что медиа и сеть годами вдалбливали в головы образ героя-родителя и самопожертвование в этом образе играло важную роль. А теперь он признавался кому-то, кроме себя, что ему страшно заплатить половиной жизни за выздоровление сына.

Ги́ра слушал и молчал, а когда Аарон закончил и молча устался в стену рядом с тем местом, где сидел на диване Ги́ра, начал говорить.

– Ар, не стыдись. Мне бы тоже было не по себе. Твоя история ужасна, но довольно проста. Не знаю, может, ты расстроишься, узнав об этом, но ты далеко не первый в этом мире, кто стоит перед таким выбором.

– Признаюсь честно, весь мир – это одно, а когда это касается тебя – это совсем другое, – Аарон уже не скрывал своих

истинных переживаний. Гира все равно раскусил действительную природу его страданий.

– Да, друг. Но ты забываешь, что весь этот мир, который ты упомянул, состоит из таких же индивидуальностей, как ты. Мне кажется, суть в том, что многие уже сделали ЭТО. Пожертвовали собой ради близкого. И, скорее всего, у всех их были такие же переживания. Посмотрим на проблему с другой стороны, – Гира подсел к Аарону ближе, глядя прямо в глаза. И тут он осекся и проговорил вдруг заговорщицким тоном, обращаясь как бы к кому-то другому: – Тебе не помогут слова, Ар, нет. Тебе нужно это ПОКАЗАТЬ!

Между ними повисла пауза и, наконец, Аарон понял, о чем говорил ему товарищ.

– Не-ет, – мотая головой, проговорил Ар. Гира все еще смотрел ему прямо в глаза, как удав. – Я не стану ничего глотать. Думать забудь.

– Слушай, у меня нет цели посадить тебя на галлюциноген, – он наклонил голову, как собака, пытающаяся рассмотреть детали. – Ар, я не смогу тебе объяснить без визуализации. Сейчас не время для нюней. Только так ты узнаешь ответы.

Пустота в душе Аарона не исчезала, и в ней утонули установки минувших лет. Его друг Гира был увлеченным наркоманом, перепробовавшим, казалось, все на свете. До этого Ар никогда, несмотря на неоднократные попытки Гиры, не соглашался ничего пробовать. Но сейчас ему нужен был от-

вет. Ответ на чрезвычайно сложный вопрос, который, по-видимому, мог дать ему Гира.

– Давай... Только побыстрее, пока я не передумал.

Гира эффектно щелкнул пальцами, естественно, предварительно дав мысленную команду роботу, и тот через минуту подкатил с блюдцем, на котором красовались две оранжевые таблетки.

– Они светятся в темноте. Это завораживает, – проговорил Гира, улыбаясь. – Это то, что нам нужно. Эти маленькие таблетки лучше самого крутого кинорежиссера планеты. Они делают режиссером тебя. Ты сейчас все поймешь, друг.

Ар не стал ничего отвечать. Он взял таблетку и решительно проглотил ее. Гира одобрительно кивнул и повторил его движение.

– Ждать придется недолго. Расслабься. Скажи, если увидишь что-то необычное, – Гира показал пример, откинувшись на спинку дивана.

Ждать долго действительно не пришлось. Сначала Ару показалось, что в уши кто-то напихал ему ваты. Звуки вокруг стали приглушенными. Он это ощутил по тому, как изменились шум деревьев и крики птиц за открытым окном. Потом стали слышаться посторонние звуки, совсем тихо, но Аарон стал их различать довольно ясно. И тут Гира ворвался в его сознание с вопросом:

– Ты разве не видишь, как зелено вокруг, Ар? Вот, глянь на эти стебли, – Гира указал на пустое место рядом с дива-

НОМ.

И тут же справа от дивана вверх из пола к потолку поползли внушительные зеленые стебли. Ар даже вскрикнул от удивления. Он слышал скрип от того, как быстро они росли. Стебли пускали ветви с зелеными листьями. Один из них остановил свой рост прямо перед носом Ара, и он смог разглядеть его структуру. Он готов был поклясться, что тот был настоящим.

– Ар, ты видишь стебли? – спросил Гира, явно довольный произведенным эффектом.

– Я вижу их, – коротко ответил Ар.

– Раз ты их видишь, значит, все идет по плану. Эта оранжевая таблетка, Ар, стимулирует воображение, вызывая полностью контролируемые галлюцинации. Обычные галлюциногены вызывают неконтролируемые видения, и в этом большая разница. Здесь ты можешь визуализировать свои мысли. И это самое интересное.

Пауза заставила Ара отвлечься от рассматривания зеленого листа и посмотреть на Гиру.

– Самое интересное в том, что визуализируются не только сознательные мысли, но и подсознательные. Сейчас ты узнаешь кое-что о себе, дорогой мой друг, и я уверен, что ты сам себе понравишься.

Аарон непроизвольно откинулся на спинку дивана. Хоть он и был слегка одурманен таблеткой, до него дошел смысл сказанного. Сейчас он может узнать, что на самом деле хра-

нит его измученное сознание.

Гира тем временем сменил тон с дружеского на беспристрастный. Так анкетировуют посетителей государственные служащие.

– Ар, ты ведь думаешь, что будет, если твоя жертва окажется напрасной? Так?

– Да, – последовал короткий правдивый ответ.

– А ты не думал, что будет, если ты не сделаешь этого? Ведь твой малыш, скорее всего, умрет.

– Да, – еще один правдивый ответ.

Гира вдруг вскочил с места и стал делать движения, похожие на то, как будто он срывает старые афиши с доски перед глазами у Ара. Там, где он погружал свои пальцы в пустоту, появлялись черные пятна. Гира энергично отдираал воображаемое полотно перед глазами Ара, и на том же месте действительно образовывался разрыв картинки, а за ней было что-то темное, неразличимое.

– Ты в больнице, Ар! А твой сын умирает! – Гира прокричал эти слова и умолк, упав на диван.

Тьма перед глазами за оторванными кусками реальности рассеялась, и Ар увидел то, чего больше всего боялся. Его сын лежал на больничной койке. Под глазами у него были огромные синяки. Лицо – белое, как молоко. Несколько роботов копошились над Наем, подключая к голове, шее и рукам бесчисленные проводки и капельницы.

Най очень исхудал. Видно было, что каждый вздох дается

ему с трудом. Он вдруг открыл глаза. Не широко, насколько хватило сил. В них отразилась радость:

– Па, это ты? Как хорошо, что ты здесь!

Слезы сами по себе брызнули из глаз Аарона. Но он почему-то их устыдился и прикрыл глаза рукой.

– Почему ты прикрываешься, папа? Ты ж мне сам говорил, плакать незачем. Это потому что ты меня любишь... Спасибо... Мне немного страшно. Но разве я мало пожил? Я много думал об этом... – дыхание его оборвалось, глаза закатились, роботы засуетились с двойным усердием, но тут сознание снова возвратилось к мальчику:

– Папа, это ты? – казалось, они не говорили только что. – Как хорошо, что ты здесь... Я думал об этом. Мне уже нестрашно, пап. Я просто таким родился. Мне уже пора.

Ар уже плакал вовсю, не прикрываясь. Он обхватил голову Ная ладонями и целовал его лоб и щеки. Но тут один из роботов довольно грубо оттолкнул Ара в сторону.

– Он умрет сейчас, – проговорил робот бесчувственным голосом. Ар успел подумать, что фраза не похожа на то, что обычно говорят в фильмах, и от этого все происходящее стало еще более реальным.

Другие роботы оттеснили Ара и что-то колдовали над телом его уже мертвого сына. Он слышал звук дефибриллятора, но знал, что уже ничего не поможет. Он чувствовал, что его сын не здесь, и все, чего ему действительно хотелось, – это оказаться там же, куда только что ушел его ребен-

нок. Невыносимое горе утраты навалилось на него всей тяжестью.

Его страдания прервал далекий голос Гиры:

– Растения! Ты видел, Ар, какие растения, оказывается, могут расти в доме?! – его голос был тревожным и своей возбужденностью сильно контрастировал с предыдущим видением. Ар немедленно вынырнул из своего сна и оказался снова в той же гостиной: справа и слева от дивана росли знакомые стебли, а перед носом красовался тот же зеленый лист.

– На, выпей. Так сильно погружаться опасно, – Ар увидел руку Гиры, протягивающую ему крупную белую таблетку. Он сунул ее в рот и прожевал. Через минуту все видения растаяли без следа. Осталось только ватное ощущение похмелья в голове.

Они довольно долго молчали. Тишину прервал Ар:

– Ты видел это?

– Нет, – честно ответил Гира, – но я могу себе представить, что ты видел. Для этого и дал тебе таблетку. Ты что-то решил?

– Да, я решил. Спасибо тебе, Гира. Ты много для меня сделал за последний... – он посмотрел на часы. Прошло всего минут пятнадцать. – За последние четверть часа. Я наберу тебя. А сейчас, – он поднялся, – проводи меня мимо собаки. Мне нужно домой к сыну.

Гира не стал ничего говорить. Он проводил Ара к месту

взлета. Дак лежал рядом со входом, но, как видно, полностью потерял интерес к гостю.

Когда крылья были надеты, Аарон пожал руку другу.

– Ты не представляешь, что сделал для меня, – он говорил, давая понять, что ничуть не шутит. – В следующий раз я будут верить тебе во всем. Спасибо тебе.

С этим он сделал несколько энергичных махов. Об экономии ему сейчас не хотелось думать. Бог с ней с вышкой. Мах за махом он поднимался вверх над усадьбой Гиры и, наконец, набрав нужную высоту, взял курс к себе домой.

Свежий воздух подействовал на Ара отрезвляюще, но не только не поменял его намерения, но и укрепил его в решении, которое было принято. Когда он опустился на лужайке около собственного дома, Най с няней как раз играли в баскетбол во дворе.

– Папа! – обрадовался Най. – Аская играет отстойно. Покажи, как надо, – мальчик улыбался во весь рот.

– Не говори так, не думаю, что Аская в восторге от твоей оценки, – машинально пробормотал Ар. Он весь был поглощен своей идеей и поэтому только помахал, приветствуя сына с Аскаей, и, не останавливаясь, прошел в кабинет.

– Ну-у, понятно, – разочарованно протянул Най, обращаясь к няне, – будет работать до вечера. Давай, Аская, играем дальше. Попробую поставить личный рекорд и вздуть тебя с разрывом в сто очков.

Последних слов сына Аарон не слышал. Зайдя в кабинет,

он первым делом включил визор и, перейдя к сохраненному объявлению, ахнул от удивления. На странице было уже не меньше десятка заявок. Он может потерять эту возможность! *Сейчас или никогда*, – подумал он и внес свою заявку на сумму, точно равную той, что требовалось. Эта сумма была вдвое меньше, чем те, что предлагались в других заявках.

Сделав это, Ар облегченно вздохнул. Он уже думал выключить визор, как вдруг увидел персональное сообщение с сервера объявлений: «Аарон, ваше предложение принято. Ждите лимузин».

Кровь ударила в голову, сердце стало биться чаще. Все, дело сделано... Лимузин... На них могут позволить себе ездить далеко не все аристократы. *Это не фуфло, ты продал душу дьяволу, но сделка того стоила*. Мороз пробежал по спине от этой мысли.

Чтобы как-то отвлечься, он заставил себя выйти на улицу и присоединиться к игре в баскетбол. Но игра его была слишком рассеянна. Най все подшучивал над отцом, а Ару нравилось просто слушать его смех и ни о чем не думать. Просто ждать лимузин.

4

Лимузин приехал утром. После бессонной ночи Ар выглядел изможденным. Глаза впали, вокруг них залегли тени. Най, увидев длинный автомобиль, пришел в восторг от того, что тот «причалил» к их усадьбе.

– Вот это да, папа! Тебя что – суперпродвинули по служ-

бе? – восхищенно лепетал Най, рассматривая диковинку у окно. – Это такой крутяк! Вот бы мне на нем в школу. Па-ап, а можно?

Ару нужно было как-то правдоподобно объяснить сыну появление такого необычного транспорта у них во дворе, и он сказал первое, что пришло в голову:

– Най, это тачка моего шефа. Его гараж находится рядом, и он уж очень быстро хочет меня видеть.

– Круто для твоего шефа! – с завистью сказал Ар. – А у тебя крутая контора. Может, тебе хоть мотык выдадут?

В ином случае Ар бы отшутился, но сейчас он думал только о том, что принес ему этот черный, как сажа, катафалк с непроницаемыми для света окнами.

– Сынок, заходи в дом. С мотыком разберемся, – он махнул рукой в сторону сына, давая понять, что разговор окончен, и решительно направился к лимузину.

Из лимузина вышел человек. *Отправлять за мной человека? Очень дорого!* Человек был весь в черном. Смуглое лицо его было будто выточено из камня. В коренастой фигуре, хоть он и был на голову ниже Ара, читалась мощь. С таким не пошутишь.

– Дикси, – он представился, протянув руку. Ар пожал ее. *Посыльный хотя бы не аристократ. Но имя все равно странное – архаичное. Это точно не фуффло.* И снова предательский мороз по коже.

Человек в черном пригласил Аарона сесть на заднее сиде-

нье лимузина. Машина слегка наклонилась, когда Ар ступил в нее. Весь ее огромный корпус стоял на одном сферическом колесе, удерживая равновесие за счет цифрового гироскопа внутри. Ар отметил про себя невольно, что аристократы новых технологий все же не чураются.

Развернувшись на месте на сто восемьдесят градусов, лимузин бесшумно набрал скорость.

– Вам придется одеть вот это, – нарушил молчание Дикси. Он держал в руках черную бархатную повязку.

– Зачем это? – обеспокоенно ответил Аарон. Беспокойство зачесалось у него вверху живота. Повязка на глаза не входила в его планы.

Дикси, по-видимому, передал мысленный сигнал автомобилю, и лимузин стал на месте.

– Либо вы выходите прямо сейчас, либо надеваете повязку.

Ар молчал.

– Ваш заказчик – известная личность в своих кругах, и он тщательно скрывает место проживания. Вам не о чем беспокоиться. Это только мера предосторожности на случай, если вы не договоритесь. Тогда я отвезу вас домой, и вы так и не узнаете, где были.

– Объяснение причин всегда лучше запретов, – Ар немного расслабился после слов Дикси. – Давайте вашу повязку.

– Нет, позвольте я одену ее сам. Повернитесь.

Ар повиновался, а его спутник не совсем ловко, но тща-

тельно завязал повязку. *Такие меры предосторожности для него тоже в новинку*. Беспокойство его усилилось. Но отступить все равно было некуда.

Они ехали довольно долго. Ар пытался думать о своей жизни. Ему казалось, что это было бы уместно в сложившейся ситуации, но на самом деле у него ничего не получилось. В конце концов лимузин остановился.

– Повернитесь к окну, я сниму повязку, – Дикси проронил первое слово с того момента, как одел повязку Ару на глаза.

Повязка была снята, и Ар увидел, что лимузин припаркован в саду. Деревья уже начинали цвести. Сад выглядел красивым и ухоженным. Ар вышел из машины и вдохнул приятный запах. «Сюда, пожалуйста», – его проводник отставал от него на полшага, указывая путь рукой. Они прошли по сети узких дорожек через лабиринт сада. Внезапно перед ними выросла стена усадьбы. Оценить ее размер было сложно, поскольку сад примыкал вплотную к стене. *Они все продумали*, – про себя подумал Ар, заходя в обычную на вид дверь. *Боятся, что я смогу узнать здание. Зачем это все?*

Они прошли по коридорам, которые выглядели мрачновато для дома «известной личности», которая может позволить себе лимузин и живых посыльных. Очередная дверь привела их в коридор получше. Из него они попали в просторную комнату. Дикси попросил Аарона присесть в кресло, стоящее у стены.

– Подождите здесь. Ваш заказчик скоро придет в эту ком-

нату на встречу.

После этих слов Дикси удалился.

В комнате пахло табачным дымом. На комод лежали коробки для сигар, маленькая гильотина. Эти предметы не заинтересовали его. Сигары для людей его класса были слишком дорогим удовольствием. Кроме того, ему было непонятно, как можно тратить столько денег на вдыхание смрадного дыма.

Сидеть ему пришлось довольно долго. И с каждой минутой его беспокойство нарастало. Он уже готов был встать и искать Дикси, но тут дверь тихо открылась, и в комнату вошел старик.

В обычных условиях, если бы Ара кто-то спросил, то он ответил бы, что старик выглядит неплохо. Тонкий аристократический нос, большой умный лоб, рот – сжатая полоска без намека на цвет, однако прищуренные глаза на блеклом лице портили впечатление.

Старик был одет в костюм тройку, но без галстука. Он довольно долго стоял на месте, не произнося ни слова, и внимательно осматривал Ара. Тот встал с кресла, как только старик вошел, и продолжал стоять там же. Хотя Ар и понимал, чем вызван такой интерес, беспардонность осмотра слегка его раздражала.

– Гарольд Рокуел! – неожиданно каркнул старик, словно гигантский ворон. И от этого старческого тембра у Ара сердце екнуло.

– Аарон, – после имени возникла нелепая пауза, как будто кто-то из них двоих сомневался, что второго имени у Ара нет.

Гарольд сделал шаг вперед и протянул руку. Она была худая с натянутой на кости тонкой желтой кожей. Аарон уставился на нее так, как будто Гарольд протянул ему гадюку, но потом опомнился и потряс руку в ответ, ощутив сухость ладони. Пожатие было крепким. Это немного взбодрило Ара. *Старик держится молодцом. Силы хватает .*

– Можно подумать, мы с вами мужчина с женщиной, столько внимания мы уделяем нашим телам при первой встрече, – ухмыляясь, проговорил Гарольд. Он был, очевидно, доволен увиденным, а вот Ар – не очень. – Не смотрите на меня так. Это вы собрались продать свое тело, а не я. А то я, глядишь, обижусь.

Ар не смог наверняка определить, шутит Гарольд или нет.

– Простите. Я не специально. Просто...

– Не ожидали, что я такой старый. Ничего, не огорчайтесь. По крайней мере я не болен. Это должно вас утешить, – он еще раз внимательно посмотрел на Ара сверху вниз. – Почему вы дали цену намного ниже других?

– Потому что мне нужна именно эта сумма, – ответил Ар.

– Не маленькая сумма. А на что она вам нужна, позвольте полюбопытствовать.

– Мне нужно спасти сына, – просто, но не без гордости ответил Ар. Этот ответ самому ему придал сил.

– Ох! Мне это нравится! Мне достанется тело благородного человека. Скажите, что вы думаете о Законе об ограничении рождаемости? – внезапно сменил тему Рокуел.

– Я... я не знаю. Я хотел бы, чтобы его не было вовсе.

– Ну да, я понимаю. Вы бы тогда обзавелись оравой детишек – и болезнь одного не была бы такой бедой.

– Ну нет! – Аарон вспыхнул, но Рокуел поспешил перебить его.

– Простите, старики иногда забывают приличия, – Гарольд вроде бы извинился, но на лице у него все еще была видна издевка. – Я тоже, признаюсь, не любил этот закон. Вы знаете, что такое богатство, Ар? – старик сел, и Ар сел за ним вслед. – Богатство – это когда у одного человека заметно больше благ, чем у других. Эти блага достаются богатым от других, они не выкапывают их из земли, а даже если и выкапывают, то обменивают на другие блага. Так вот, когда вокруг тебя живет несколько миллиардов идиотов, то с каждого идиота по центу – вот тебе и богатство. Придумал что-то бесполезное: тампон какой-нибудь для подтирания носа. Вложил деньги в рекламу – и на тебе, все без этих тампонов прожить не могут. А ты вместо куска синтетической тряпки получаешь органическую еду, усадьбу, утопающую в зелени, отдых...

Старик замолчал, погружившись в свои мысли. *Кошмар, и это тело достанется мне. Он явно забыл, зачем он мне все это рассказывает*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.